18+

Цикл «Люди границы»

Дмитрий Крещеный

Дмитрий Крещеный

Цикл «Люди границы»

«Издательские решения»

Крещеный Д.

Цикл «Люди границы» / Д. Крещеный — «Издательские решения»,

Балтика и Северо-Запад Руси на рубеже XIII–XIV веков. Время пограничных войн, спешно возводимых крепостей и глухих застав, где человек стоит один на один с холодом, болотом и чужой сталью. Комендант Выборга, строитель обреченной Ландскроны, новгородский воевода в карельских плавнях и кормчий на штормовой Ладоге — каждый из них платит свою цену за право остаться человеком там, где жалость стоит жизни.

© Крещеный Д.
© Издательские решения

Содержание

ЛЮДИ ГРАНИЦЫ 6
Часть 1. Камень и крыса 7
Выборг, осень 1295 года 7
Глава 1 8
Глава 2 10
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 15
Глава 6 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Цикл «Люди границы»

Дмитрий Крещеный

Оформление обложки Qween Studio

© Дмитрий Крещеный, 2026

ISBN 978-5-0071-7757-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЮДИ ГРАНИЦЫ

Северная хроника (1293—1306)

Содержание

Часть 1. Камень и крыса (Выборг, 1295)
Часть 2. Венец из грязи (Ландскрона, май 1301)
Часть 3. Гать у нижнего порога (Корела, 1295)
Часть 4. Дырявое дно (Ладожское озеро, осень 1294)
Часть 5. Посох и железо (Стокгольм, февраль 1306)

Часть 1. Камень и крыса

Выборг, осень 1295 года

Глава 1

Биргер спускался по винтовой лестнице в подбашенный подвал. Камень под сапогами был склизким — ночная сырость садилась на ступени серым налетом. Смоляной факел в левой руке чадил, плюясь искрами, и от их треска в тишине становилось только глуше. Правой рукой он нащупал в стене кованое кольцо. Железо обожгло пальцы холодом. Потянул — обитая дубом дверь подалась с нутряным стоном, и из проема пахнуло могильной глиной, прелью и чем-то сладковатым, словно от гниющей коры.

Он шагнул внутрь. Свод давил сверху — от макушки до камня оставалось не больше ладони. Огонь выхватил из темноты кладку слева: швы белели, известь так и не взялась. Биргер провел по ней пальцем — подушечка перепачкалась в мокрой извести. Поднес палец к носу. Пахло жженой раковиной и кислым песком, от которого запершило в горле.

Три шага. Четыре. Под ногами — утоптанная до твердости камня земля, но дальше лежал настил из плах. Одна прогнулась под тяжестью сапога. Биргер опустил факел. Из-под дерева сочилась тонкая, черная в свете огня струйка. Он присел, тронул воду. Ледяная. Вытер палец о шерстяную штанину и пошел дальше.

Ход вильнул. На изломе стена сузилась, зацепив плечо. Камень жал справа, и Биргер инстинктивно прижался к левой стороне. Факел бросал его тень вперед — длинную, ломаную, она кралась по стене впереди хозяина.

На уровне пояса он увидел царапину на камне кладки слева. Глубокую, рваную, будто кто-то скреб ножом по известняку, отмечая нужный валун. Четыре черты вниз и одна поперек. Биргер провел по борозде ногтем — края острые, каменная крошка еще не осыпалась. Свежая. А ход запечатан третий месяц, и ключ от навесного замка висит только на одном поясе.

Биргер отступил. Пламя факела дернулось — не от дрожи в руке, а от сквозняка, которого в глухом мешке быть не могло.

Месяц назад, в начале осени, когда били этот поворот, грунт пошел дурной. Сначала жирная глина, потом серый плывун — песок тек сквозь пальцы, как мука. На шестой день, когда двое ставили распорки, земля вздохнула. Не грохнула — именно вздохнула, тяжело и сыто. И свод поехал.

Биргер стоял у входа и слышал оба крика. Первый оборвался сразу — коротко, словно ветку сломали. Второй тянулся долго, сипло, пока не перешел в мокрое бульканье. Когда разгребли завал, вытащили одного. Второй ушел в разверзшуюся жижу; наружу торчала только рука — скрюченные пальцы с черными от грязи ногтями.

Каменных дел мастер тогда сказал: «Засыпать, хода не будет». Биргер глянул на мертвую руку, прикинул, сколько дней осталось до ледостава и нового прихода новгородских ладей, и отрезал: «Нельзя. Двадцать локтей прошли, сверху башня стоит. Враг на носу, некогда раскапывать». Мастер помолчал, сплюнул в глину: «Тогда замуровать. Чтобы глаз не мозолило». Биргер кивнул. На войне мертвых кладут в фундамент, если некогда рыть могилы.

Он поднес огонь к просевшему своду. В узкой щели между валунами темнело что-то чужое. Не камень. Не дерево.

Кость. Человеческая фаланга, почерневшая, обглоданная сыростью. Палец того самого землекопа.

Биргер отвел факел. Капля горящей смолы упала в грязь с коротким шипением, и в этом звуке ему снова послышалось предсмертное бульканье. Он покосился на царапину. Четыре черты и перекрестье. Кто-то метил место, как вор метит чужой ларь.

За спиной, в глубине хода, за стеной завала, что-то глухо шоркнуло. Тихо. Будто камнем сдвинули камень.

Биргер не обернулся. Шаг за шагом он попятился к выходу. Огонь догорал, коптя потолок, и тень коменданта ползла следом, не желая уходить из подземелья.

Глава 2

Он навалился плечом на дубовую дверь, выталкивая себя из сырого брюха тоннеля обратно в подбашенный мрак. Створка захлопнулась с тяжелым стуком, отрезав запах гнилой коры и звук капающей в темноте воды. Биргер защелкнул дужку железного замка в пробое.

Уперся лбом в холодный камень арки и с силой втянул воздух. Здесь пахло иначе: солью, дегтем и остывающим углем из кузницы. Живым запахом.

Третий год он мерил шагами эти ступени. Первая зима принесла кровавый понос, ржавчину на кольчугах и бунт наемников — двоих он тогда лично выпорол на площади до мяса, чтобы остальные вспомнили присягу. Вторая зима ударила штормами, когда ледяные валы перехлестывали через нижний тын, а в марте под стены пришли новгородцы. Третья осень стояла тихо. Как тот ход.

На поясе, рядом со связкой ключей, висел кожаный мешочек. Внутри — ни единой монеты, только скрученный пергамент. Воск на печати давно раскрошился, но оттиск меча и короны еще держался. Торгильс Кнутссон. Маршал, держащий королевство на острие копья. Его перстень вдавил в воск приказ: «Держи этот гранит, пока я держу корону. Сделай его глухим для врага».

Биргер растер левое колено — въевшаяся привычка. Кость ныла к непогоде, напоминая о пограничных стычках в карельских лесах, где ельник стоял так густо, что свет казался милостыней, а любой треск ветки стоил башки. В той вязкой тишине он усвоил два правила: не верь глухому месту и всегда держи за спиной лаз.

Поэтому в тоннеле он не дрогнул. Страх — забава для стокгольмских щеголей, шепчущихся за шпалерами. Биргер знал цену их шепоту.

Выборг не был ссылкой. Это была плата за службу. Здесь лежал камень. Камень не продаст за мешок серебра, не сменит господина, не воткнет нож в спину. А если треснет — хотя бы предупредит скрипом.

Он поднялся на верхнюю площадку башни. Ветер с залива хлестнул по лицу, колючий и соленый, сдирая липкую сырость подземелья. Внизу, в свинцовой воде, чернели валуны; на горизонте щетинились сосны, похожие на обугленные кости. Здесь выживал только тот, кто был тверже местной скалы.

Во дворе зашевелились люди: заспанный часовой у ворот, кузнец, качающий мехи. Биргер расправил плечи, пряча усталость за привычной маской из шрамов и холодных глаз.

Завтра он велит разломать ту стену. Не из суеверия. Когда засыпали обвал, он думал, что плывун задавил рабочего случайно — обычное дело на стройке. Но сейчас, почуяв кислую, крошащуюся известь и увидев просевший свод, он понял: плывун не виноват. Кто-то украл дуб и железо, подсунув в кладку дрянь. А крепость не может стоять на гнилье и чужих костях.

Глава 3

Кастелян Стиг просыпался раньше утреннего рога. Не от рвения — от зуда в пальцах, привыкших перебирать чужое добро. Пока гарнизон храпел в казармах, он уже сидел в каморке при амбаре. Сальный огарок освещал две связки счетных бирок и восковую дощечку. На левой половине — то, что увидит комендант. На правой — то, что осталось в закромах. Разница между ними и была его настоящим жалованьем, на которое корона скупилась.

Сорок бочек солонины. Стиг вывел стилом по воску «сорок», а в голове держал тридцать две. Восемь ушли немецкому купцу прошлой ночью, через заднюю калитку, в мешках из-под муки. Стиг сделал на деревянной бирке мелкую зарубку — для себя. Память сдает, когда наваливается страх, а страх душил его каждую ночь.

Пальцы у него были пухлые, в чернильных и сальных пятнах, не воинские, но ногти обкусаны до крови. Он грыз их, когда прислушивался: к скрипу досок за стеной, к чужой харкотине во дворе, к шепоту у ворот. Гарнизон тесный. Здесь сразу видно, у кого сукно не по чину и откуда серебро на ремне. Один болтливый купец на торгу, одна девка, которой недодали монету за молчание, — и петля. Поэтому Стиг гнул спину перед каждым. Священнику таскал воск и кидал пеннинги на починку кровли. Привратнику подарил новый суконный плащ «по-братски». Писарю сунул пару серебряных монет на именины. Он покупал не дружбу — он покупал тишину, щепотками, как дорогую соль.

Но один человек в крепости не брал ничего.

Стиг до сих пор помнил тот лисий мех, подбитый добрым сукном. Он положил его на стол коменданту — «для ночных дозоров на ветру». Биргер глянул даже не на мех, а в глаза Стигу. Молча. Потом двумя пальцами брезгливо отпихнул шубу на край стола, словно дохлую крысу, и уткнулся в свои донесения. Не сказал ни слова. Стиг тогда вышел во двор и вытер взмокший загривок рукавом, хотя стоял мороз. Человек, который не берет, страшнее грабителя. Такого не купишь. От такого можно ждать только топора. Сволочь. Служака. Камень с глазами.

А тайный ход… ход был лучшей сделкой Стига. И его погибелью.

Он отложил стило и пощупал грудь под рубахой. На кожаном шнурке висел ключ, нагретый телом. Шесть недель назад Стиг тиснул комендантский ключ в мягкий воск, пока Биргер отвернулся к карте, а потом отдал слепок бродячему кузнецу за три марки серебром и клятву убраться на юг. Теперь этот кусок железа был его единственной лазейкой. Если нагрянут люди маршала, если писарь раскопает правую связку бирок, если немец проболтается — Стиг уйдет. Вниз, через ход, к воде, где в камышах притоплена лодка.

Но и на ходе он нагрел руки.

Выдержанный, сухой дуб для крепей Стиг сбыл корабельщикам, а в яму загнал сырую сосну, обмазав ее снаружи смолой для запаху. Известь разбавил песком. Железных скоб вколотил вдвое меньше положенного. Тогда он считал серебро и не думал, что свод держит не запись на дощечке, а земля.

А потом земля вздохнула. И оборвался крик. И из глины вылезла мертвая рука.

Каменных дел мастеру Стиг сунул кошель — тот с радостью промолчал и уплыл домой на последнем осеннем когге. Рабочего замуровали по приказу самого Биргера, чтобы не тормозить кладку башни. Стиг тогда перекрестился: мертвец в стене не заговорит. А неделю назад сам же прокрался ночью в подвал и процарапал ножом знак на валуне слева — чтобы в темноте не искать нужный камень, за которым выдолбил нишу под свой кошель.

Сегодня на рассвете он видел через щель амбара, как комендант спустился в подвал. Один. С факелом.

А теперь Биргер вышел обратно. Стиг разглядел его через двор — лицо серое, как печная зола. Видел, как комендант привалился лбом к арке и замер. Долго. Слишком долго.

Стиг знал, что вылезло из кладки. Знал, что за костью покажется трухлявая сосна. А за сосной — его собственная шея.

Ключ под рубахой вдруг показался ледяным, обжег кожу. Стиг сглотнул густую слюну. Завтра комендант велит бить стену. Завтра.

Он задул огарок и в темноте, дрожащими пальцами, нащупал железо на груди. На месте. Стиг сжал ключ так, что врезалось в ладонь, и зашептал в пустоту: «Есть еще ночь. Одна ночь».

Глава 4

В каморке коменданта стояли четыре вещи: жесткая койка, окованный сундук, распятие и меч. В сундуке лежала смена белья, оселок и запасные ремни для доспеха — единственную грамоту маршала он носил при себе в кожаном мешочке на поясе. Ни женского гребня, ни костяной игрушки, ни письма. В Стокгольме его никто не ждал. Была когда-то невеста, да не выдержала третьего похода, вышла за лавочника. Биргер не злился: ждать человека, живущего на войне, все равно что ждать, пока посреди зимы зацветет лед на заливе.

Он сел на койку, воткнул факел в железное кольцо на стене. Огонь лизнул голый гранит без всяких ковров. В тюрьме, подумал он, стены такие же. Только в яму сажают за воровство, а его упекли сюда за прямой язык.

Он вспомнил тот пир в столице три года назад. Вспомнил, как пересчитал по описи обозы с зимним зерном и прикинул: треть телег не дошла до полков, осела в закромах у жирного советника, сидевшего напротив и скалившего зубы в улыбке. Биргер сказал об этом вслух, при всех. Не смолчал. Советник улыбнулся еще шире. Через месяц пришел приказ: почетное назначение на дальний рубеж, «где зоркий глаз рыцаря послужит короне». Гранитный мешок посреди моря. Клетка с видом на пустоту.

Биргер усмехнулся в темноте. Они думали, что сослали его. А подарили то, чего не было в столице: стену, которую можно сложить без вранья.

Про Стига он знал давно. Не слепой.

Видел новый суконный плащ на привратнике — не по жалованью богатый. Видел пуды воска у попа и монеты, которые кастелян якобы «жертвовал» на храм. Биргер читал левую сторону восковой дощечки Стига и в уме легко прикидывал правую. Восемь бочек мяса. Две бочки смолы. Связка кричного железа. Комендант знал цену этой крысе и позволял ей таскать крохи, пока не переходит черту.

Потому что умел считать.

Убери Стига — маршал пришлет другого. Новый окажется либо хитрее, так что концов не сыщешь, либо, что еще хуже, окажется дураком, который не сумеет ни украсть тихо, ни обоз вовремя выбить — и гарнизон перемрет от цинги до весны. Знакомая крыса лучше чужой. Стиг труслив, а трус понятен. Трус не откроет ворота новгородцам, не подожжет погреб с запасами смолы и стрел, не полезет с ножом — трус побежит. И пока кастелян боится коменданта сильнее, чем любит серебро, в крепости есть хлеб и соль. Тоже сделка, без всяких лисьих шуб. Биргер один раз брезгливо отпихнул мех — и этим купил себе пса, который вздрагивает от шагов за дверью. Дешево.

Он терпел воровство. Соль, солонина, монеты — это можно пережить.

Но сегодня в подвале из камня торчала кость.

И за этой костью прятались не восемь бочек мяса. За ней гнила сырая сосна вместо дуба, сыпалась разбавленная известь, не хватало скоб. За ней стоял свод под главной башней, державшийся на вранье. За ней хрипел человек, заживо погребенный в жиже только потому, что кастелян сбыл казенный лес корабельщикам.

Биргер уставился в голый камень. Кражу из амбара он прощал — она не рушит стены. А эта гниль валит башню. Это не крыса в ларе. Это крыса, подточившая несущую балку, под которой спит весь гарнизон.

Он знал и про ключ. Месяц назад заметил в бородке своего ключа крошку свежего воска — чужой, смазанный слепок. Понял, что кастелян сделал себе лаз. И не стал мешать. Загнанная в угол крыса бросается в глотку и кусает насмерть. Крыса, у которой есть нора, при первой опасности улепетывает сама. А сбежавший кастелян — это человек, который сам подписал себе приговор, без лишней крови, доносов маршалу и смуты в гарнизоне.

Биргер сбил пламя факела. В полной темноте он произнес вслух, ровно, словно диктуя приказ писарю:

— Завтра вскрыть кладку. При кастеляне.

Пусть смотрит. Пусть видит, что вывалится из-за камня. Пусть выбирает: бежать этой ночью в темноту — или ждать утра, когда из-за мертвой кости покажется гнилая сосна, а из-за сосны — его собственная петля.

Биргер вытянулся на жесткой койке. Сон не шел к нему уже двадцать лет. Он прикрыл веки и стал слушать, как внизу, через пустой двор, кто-то крадется к амбару — мелко, воровато, замирая на каждом шаге. Комендант узнавал эту походку. Пухлые руки, обгрызенные в кровь ногти, холодное железо на потной груди.

«Иди, — подумал Биргер. — Проверь свою нору. До утра время есть».

Глава 5

Ночь упала на замок глухая, беззвездная — с залива притащило плотный, соленый туман, съевший даже огни на башнях.

Стиг крался вдоль стены амбара, вжимаясь спиной в мокрый гранит. В руках не было ничего, кроме крохотного потайного рогового фонаря с узкой прорезью. Всё его добро — тяжелый кожаный кошель с новгородскими гривнами, любекскими пеннингами и парой золотых перстней, скопленных за два года — лежало там, внизу, в выдолбленной нише слева за замурованной кладкой под главной башней. Уходить с пустыми руками он не мог: без серебра за стенами крепости он был никем, жирным беглецом, которого вздернут на первой же сосне ради сапог.

Он добрался до подбашенного спуска. Оглянулся на двор — пусто, только ветер гонял по камням солому. Стиг достал из-за пазухи ворованный ключ. Зубья мягко вошли в скважину навесного замка, провернулись без единого скрипа — он еще с вечера смазал дужку гусиным жиром. Тяжелая дубовая створка приоткрылась ровно настолько, чтобы протиснуться боком.

За дверью сразу ударил густой, могильный холод.

Стиг прикрыл за собой дверь, оставив узкую щель, и повернул фонарь прорезью вперед. Узкий луч выхватил склизкие ступени и мокрую, не взявшуюся известь на стенах. У него заныло под ложечкой.

Спускаться пришлось глубоко, почти под уровень залива. Воздух здесь стоял тяжелый, густой, пахло прелой сосной, тиной и чем-то сладковатым — тем самым запахом, от которого днем перекосило лицо коменданта. Стиг дышал ртом, стараясь не глотать эту вонь. Сапоги чавкали в ледяной жиже, просочившейся сквозь плахи настила.

Вот и излом хода. Здесь свод опускался так низко, что Стигу пришлось согнуться в три погибели, упираясь пухлой ладонью в шершавую стену, чтобы не поскользнуться. Слева белела та самая кладка — замурованный осенью плывун, за которым лежал раздавленный землекоп и его, Стига, заначка. На угловом валуне чернела процарапанная им неделю назад метка — четыре черты и перекрестье.

Он прикрыл прорезь фонаря краем кафтана, оставив лишь тонкую нить света, и потянулся к расшатанному угловому камню. Сердце колотилось прямо в горле.

И тут за стеной, в самой глубине завала, кто-то тяжело заворочался.

Стиг замер, вжавшись в холодный валун. По спине пополз ледяной пот, рубаха мгновенно прилипла к лопаткам. Из щели в просевшем своде, прямо оттуда, где днем торчала черная фаланга мертвеца, донесся глухой скрежет. Камень по камню. Будто кто-то изнутри, из самой глины, скребся когтями, пытаясь выбраться наружу.

«Покойник, — пронеслось в голове, и зубы выбили мелкую дробь. — Встал. Земля не приняла».

Стиг хотел рвануть назад, но ноги налились свинцом. Он зажал рот ладонью, давя хриплый вдох.

Скрежет повторился — сильнее, с глухим металлическим стуком лома. А следом из-за завала донесся тихий, придушенный шепот:

— Тише ты, леший… Камень не урони. Еще два локтя — и в подвал выйдем. Давай, поднажми, за нами еще три десятка в расщелине ждут, рассвет скоро.

Русская речь. Чужая, вязкая, с северным оканьем.

У Стига отлегло от сердца — мертвецы не ругаются и не считают локти, — но следом накатил другой, животный ужас. Новгородцы. Не горстка лазутчиков, а целый отряд. Они нашли старый разлом в скале со стороны воды, обошли нижний тын и сейчас доламывали трухлявую кладку прямо под главной башней. Не зря здесь гулял сквозняк.

— Стой, — прошипел за стеной второй голос, совсем рядом, в шаге от лица кастеляна. — Слышишь? Водой чавкает. Кто-то здесь.

— Крыса, — ответил первый, но стук железа по камню оборвался. За стеной затаились.

Стиг не дышал. Взгляд его скользнул по угловому камню, за которым лежало серебро. Одно движение — сунуть руку, выдернуть кошель и бежать. Но камень сидел плотно, без ломика не вывернешь, а каждый скрип выдаст его с головой. За стеной стояли десятки озверевших ратников, готовых к ночной резне.

«Оставайся в стене, проклятое, — мысленно взвыл Стиг, прощаясь со всем, что копил два года. — Жизнь дороже».

Он медленно, по пяди, отступил назад в темноту, стараясь не хлюпать сапогами в жиже. Добрался до лестницы, выскользнул за дверь, запер навесной замок и привалился спиной к камню во дворе, хватая ртом холодный ночной воздух.

Но в этот момент со стороны залива, сквозь густой туман, донесся далекий, тяжелый плеск десятков весел — словно огромная рыба ударила хвостом по воде. А следом у нижнего тына глухо, по-собачьи, вскрикнул и сразу захлебнулся часовой.

Новгородцы брали замок в клещи. С воды и из-под земли.

Стиг понял: бежать некуда. Лодка в камышах сейчас кишит русскими. Отсидеться в амбаре не выйдет — к утру перережут всех, от повара до коменданта. Праздновать труса больше не получится: они с Биргером сидят в одной каменной мышеловке.

Но как сказать об этом коменданту?

Ход запечатан. Ключ только один, и он висит на поясе у самого Биргера. Если Стиг прибежит и скажет: «Я был в подземелье и слышал русских», — Биргер в ту же секунду спросит: «Чем ты открыл дубовую дверь, крыса?» И тогда его прикончат свои же, решив, что это он сам открыл лаз врагу.

Стиг вытер мокрый лоб рукавом. Внизу, за дубовой дверью, уже отчетливо глухо бухнуло — новгородцы выбили первый камень из завала.

Врать. Врать напропалую, смешивая страх с правдой.

Стиг сдернул с шеи ворованный ключ, с размаху швырнул его в глубокую щель между валунами фундамента, подхватил с земли тяжелый железный багор и сломя голову бросился вверх по ступеням к покоям коменданта, колотя кулаком в дубовую дверь и срывая голос в диком, животном вопле:

— Тревога! Герр Биргер! В подвале! Из-под земли лезут! Сквозь стену бьют, слышно во дворе! И у тына часового сняли! Тревога!

Глава 6

Комендант ждал. Он всегда ждал неприятностей — в этой глухой дыре, зажатой между ледяным морем и вражеским берегом, любая тишина казалась ему затянувшимся вдохом перед ударом.

В черном безмолвии двора вопль обезумевшего кастеляна резанул по нервам, как удар набата.

Биргер не спал — он даже не расстегивал ремень с мечом. На звуки крика он вылетел из каморки уже в накинутой на плечи кольчуге, с тяжелым щитом на левой руке. Бежал вниз по каменным ступеням, на ходу рявкая так, что задрожали ставни казарм:

— К копьям! Все к башне! В строй!

Подбегая к входу в подземелье, он не показал ни тени удивления, увидев в раскрытых дверях Стига, который из последних сил наваливался плечом на тяжелую, обитую дубом створку — навесной замок висел в пробое открытым. В проеме уже гудело — из глубины хода доносился топот тяжелых сапог, лязг железа и чужая, хриплая брань. Новгородцы выбили завал и перли вверх по винтовой лестнице.

Из темноты в щель сунулось острие рогатины, ударило в кованую полосу двери, выбив сноп искр.

Биргер с ходу врезался плечом в дерево, помогая кастеляну захлопнуть створку. Накинуть дужку замка снаружи уже не успевали — внутренний засов заклинило от мощного удара изнутри, десяток плеч навалились с той стороны, пытаясь высадить дуб.

Они вдвоем прикрыли дверь и вжались в нее спинами, уперев каблуки в скользкие плиты двора. Дерево трещало, вибрируя от глухих таранных ударов, готовое вот-вот вылететь с петель. Плечо Биргера упиралось в мокрое, трясущееся плечо кастеляна; рядом, в шаге, валялся брошенный Стигом железный багор.

Во дворе уже загремели сапоги, зазвенела сталь — сонные, полуодетые наемники бежали на крик коменданта, на ходу подтягивая ремни и перехватывая копья.

И только тогда, в эти несколько ударов сердца, пока створка ходила ходуном под ударами русских, Биргер медленно повернул голову и посмотрел кастеляну прямо в глаза.

Стиг задыхался, по серому лицу текли пот и грязь, глаза бегали, как у загнанного хорька. Но во взгляде коменданта не было ни ярости, ни вопросов про открытый замок, ни попреков за гнилую сосну. Там стоял только ледяной, тяжелый расчет — и молчаливое понимание: «Ключ ты выбросил, крыса. Но шкуру свою ты только что отработал».

Очередной удар изнутри выгнул дубовые доски так, что затрещали железные скобы.

— Отходим от двери! — рявкнул Биргер, отталкиваясь спиной от дерева и выхватывая меч. — Копья вперед! Запираем выход на ступенях!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.